

УДК 347.132.6

Развитие института недействительности сделок в отечественном законодательстве в период с XIX по XXI век

Беляев А.Д.Ассистент кафедры гражданского права
Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань)

В статье проведен исторический анализ института недействительности сделок в период с XIX по XXI вв. Выявлены особенности каждого из анализируемых нормативных актов. Как результат, обозначены проблемы классификации недействительных сделок и пути их разрешения на современном этапе развития института недействительности сделок.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, недействительность, незаключенность, ничтожность, оспоримость, сделки, Российская империя.

Огромное количество сфер общественных отношений, требующих правового регулирования, обуславливает наличие в праве инструментария, способного урегулировать общественные отношения в любой области жизни людей. Одним из таких инструментов выступает институт сделок.

По определению, «сделка» является преимущественно институтом гражданского права и представляет собой универсальный способ регламентирования складывающихся между субъектами гражданского права отношений. Сделки служат одним из оснований для приобретения указанными субъектами соответствующих прав и обязанностей.

При совершении гражданско-правовых сделок всегда присутствует вероятность злоупотребления правом сторонами таких сделок. В связи с данным обстоятельством необходима соответствующая выработка требований и условий, которые смогут обеспечить защиту добросовестных участников гражданского оборота от сделок, способных создать для них неблагоприятные последствия.

Решением вышеуказанной задачи стал институт недействительности сделок. Целью данного института изначально являлось определение условий, при наличии которых совершенная сделка не повлечет за собой никаких юридических последствий.

Наиболее ярко данное утверждение можно проиллюстрировать примером исторического периода с начала 1990-х до начала 2000-х гг., когда необхо-

димость в существовании института недействительности сделок прямо указывала на цель данного института.

Этот период времени ознаменовался не только изменениями законодательства, но и всех областей жизни российского общества в целом. В тот момент Россия встала на путь построения и развития рыночной экономики, что повлекло за собой коммерциализацию большого числа общественно-экономических отношений и, как следствие, рост числа совершаемых сделок. Однако, отсутствие договорной практики и непроработанность средств защиты прав субъектов гражданского оборота привели к многочисленным злоупотреблениям правом при их совершении. К примеру, сделки по так называемой «злонамеренной реорганизации», при которой стороны заключали сделки, по условиям которых происходило перераспределение активов юридического лица для невозможности обращения их ко взысканию или для целей ухода от налоговой ответственности.

В свою очередь развитие законодательной техники и совершенствование законодательства постоянно приводит к поиску новых, более изощренных способов злоупотребления правом при заключении сделок.

Институт недействительности сделок был известен мировой цивилистике еще во времена Римской империи. Как указывал советский правовед-цивилист, заведующий кафедрой гражданского права

юридического факультета Московского университета И.Б. Новицкий в одном из своих трудов, посвященных недействительности сделок, в римском праве проводилось деление на *nullum* (незаклученные), *nullius* (ничтожные) сделки [1, с. 48].

Наибольшее развитие теории недействительности сделок в отечественной цивилистике пришлось на советское и постсоветское время, поскольку именно в этот период было определено, что сделки являются актами осознанных, целенаправленных и волевых действий участников гражданского оборота, совершая которые последние стремятся к достижению определенных правовых последствий, как противоправных, так и правомерных. К слову, институт недействительности сделок был известен отечественному законодательству уже в середине XIX в.

Например, Свод законов гражданских Российской империи (далее – Свод законов) не содержал общих положений о недействительности сделок, упоминая о ней лишь в отдельных случаях. Общего принципа в области совершения недействительных сделок в данном нормативном акте не прослеживается, равно как не прослеживается и разграничение ничтожных и оспоримых сделок.

В ст. 1529 ч. 1 т. X Свода законов [2] было указано, что договор недействителен, а обязательство ничтожно, если причиной заключения договора является достижение цели, запрещенной законом. В названной статье Свода законов был приведен примерный перечень запрещенных законом целей, которые как бы являются подвидами недействительности сделки, нарушающей требования закона, в частности, когда договор «клонится» (то есть, как мы понимаем, «имеет своей целью»):

1) к расторжению законного супружества (таким, например, рассматривалось соглашение супругов о том, чтобы не жить вместе и никогда не требовать сожителства);

2) к «подложному переукреплению» имущества во избежание платежа долгов (под этим понималось отчуждение должником своего имущества с целью избежания уплаты долгов, в частности, фиктивная распродажа имущества перед объявлением банкротства. То же самое что и «вывод активов»);

3) к «лихоимственным изворотам» (под которыми понимались сделки, совершенные в обход законодательного запрета на ростовщические сделки);

4) к присвоению частному лицу такого права, которого оно по состоянию своему иметь не может;

5) к вреду государственной казне.

Таким образом, Свод законов не выделял видов недействительности, кроме как недействительности сделки, нарушающей требования закона. Из изложенного следует, что Свод законов отождествлял недействительность с ничтожностью сделки.

В свою очередь Г.Ф. Шершеневич выделял два вида сделок:

1. Абсолютно недействительные или ничтожные. Сделка должна признаваться ничтожной, когда она по закону не производит предположенных юридических последствий, как будто стороны не совершали никакого юридического акта. Если сделка признается ничтожной, то нет необходимости опровергать незаконную сделку.

2. Относительно недействительные или опровержимые. Опровержимость не лишает сделку саму по себе юридических последствий, а приводит к этому результату только по иску или возражению заинтересованного лица. Если при ничтожности предположенные юридические последствия не наступают силою закона, то при опровержимости наступившие уже юридические последствия отпадают силою судебного решения.

Сделка как при ничтожности, так и при опровержимости недействительна, но во втором случае она считается действительной, пока не будет опровергнута, так что при молчании заинтересованного лица сделка может сохранить полную свою силу [3].

Качественно новый для российского правопорядка подход был продемонстрирован в проекте Гражданского уложения. Отдельной главы, посвященной недействительности сделок, к сожалению, не выделялось, при этом, в отличие от Свода законов, проект Гражданского уложения [4] предусматривал деление сделок на оспоримые и ничтожные. Однако, что касается видов оспоримых сделок, то Проект приравнивал оспоримые сделки к такому виду недействительных сделок, как сделка, совершенная под влиянием принуждения, существенной ошибки или обмана (ст.ст. 60-64 Проекта).

Что касается ничтожных сделок, то Проект предусматривал, в отличие от Свода законов, две разновидности ничтожных сделок (ст.ст. 93, 94):

1) сделки, совершенные в состоянии, в котором лицо не могло понимать значения своих действий и руководить ими;

2) сделки, противные закону, добрым нравам или общественному порядку.

Анализ вышеизложенных норм, как мы считаем, свидетельствует о том, что в Гражданском уложении предлагалось заложить принцип специальной недействительности сделок, в силу которого сделка признается недействительной (ничтожной или оспоримой) только по особому указанию закона. Интересно, что оговорки о ничтожности всякой противозаконной сделки проект Гражданского уложения Российской империи не содержал.

Последующее развитие принципа специальной недействительности сделок в полной мере было воплощено в ГК РСФСР 1922 г., содержание которого во многом определялось состоянием русской дореволюционной цивилистики. При этом указанный выше принцип, что примечательно, является досто-

инством, а не недостатком соответствующего кодифицированного акта.

В отличие от своих предшественников ГК РСФСР 1922 г. выделял большее количество разновидностей недействительных сделок, однако, в целом являлся преемником. При этом, как указывала доктор юридических наук, профессор Н.В. Рабинович, ст.ст. 29-31, 34 и 35 ГК РСФСР 1922 г. предусматривают, что при определенных условиях сделка является недействительной, а ст.ст. 32 и 33 предоставляют потерпевшей стороне право требовать от суда признания сделки недействительной. Такого деления придерживаются также судебные органы и советские авторы. Оспоримые сделки, хотя и являются действительными до момента их оспаривания и признаются недействительными судом, все же обладают такими свойствами, которые в дальнейшем позволяют признать их недействительными. Представляя особый правовой интерес с того момента, когда они, будучи оспорены, признаются недействительными, оспоримые сделки должны быть сопоставлены с ничтожными, а не с действительными сделками [5, с. 10]. Следует заметить, что положение ст. 32 ГК РСФСР 1922 г. о «злонамеренном соглашении представителя с контрагентом» впоследствии нашло отражение в ГК РФ в редакции № 100 от 07.05.2013 г. в п. 2 ст. 174.

И.Б. Новицкий отмечал, что категории ничтожности и оспоримости несоизмеримы, а, кроме того, противопоставление оспоримых и ничтожных сделок не увязывается с тем, что оспоримые сделки в результате оспаривания становятся ничтожными. Имея в виду лексическое значение слова «ничтожный», он писал, что термин, предполагающий, что из сделки не возникает ничего, никаких юридических последствий, является весьма неудачным, поскольку недействительная сделка является юридическим фактом, вызывающим определенные правовые последствия, хотя и не те, на которые она была направлена. Он предлагал называть недействительные сделки «абсолютно недействительными» и «относительно недействительными» [1, с. 61].

Доктор юридических наук, профессор М.М. Агарков возражал против традиционной классификации недействительных сделок. По его мнению, было бы правильнее пользоваться иной классификацией. Вместо классификации сделок на ничтожные и оспоримые, которую автор признавал крайне неудачной, им было предложено классифицировать не сделки, а их волеизъявления. Волеизъявления, направленные на установление, изменение или прекращение правоотношений, следовало бы делить на ничтожные (не сделки) и действительные (сделки). При этом сделки надо делить на безусловно действительные (неоспоримые) и на условно действительные (оспоримые). Такая классификация, как считал автор, «более соответствует существу дела»

[6, с. 10]. Нельзя не согласиться с мнением автора об отрицании ничтожных сделок и фактически отнесения их к сделкам с ничтожностью волеизъявления, которые в приведенной выше классификации являются оспоримыми.

В ГК РСФСР 1964 г. была предпринята попытка отказа от принципа специальной недействительности сделок в пользу начала их генеральной недействительности, поскольку всякая сделка, не соответствующая требованиям закона, объявлялась недействительной (ст. 48). Однако данная попытка оказалась не вполне удачной: провозгласив недействительность противозаконной сделки, законодатель вместе с тем не указал, что она является ничтожной. В итоге судьба не соответствующих закону сделок по-прежнему ставилась в зависимость от специальных законодательных положений.

В частности, в советской литературе того времени отмечалось, что общая формула недействительности сама по себе еще не решает вопроса о методе признания сделок недействительными. Постановление закона о том, что недействительна каждая сделка, не соответствующая требованиям норм права, имеет общий характер и указывает лишь на основное и единственное условие недействительности – несоответствие сделки любым требованиям закона [7, с. 31].

Применительно же к отдельным составам, правило ст. 48 ГК РСФСР 1964 г. конкретизируется: нормы права о недействительных сделках содержат указания на метод признания сделок недействительными.

В Основах гражданского законодательства Союза ССР и Республик 1991 г. (далее – Основы) недействительности сделок и их правовым последствиям была уделена лишь одна статья. В ней одновременно присутствуют два принципа: принцип специальной недействительности сделок (согласно п. 1 ст. 30 Основ, «несоблюдение требуемой законодательством формы влечет за собой недействительность сделки лишь в случае, когда такое последствие прямо указано в законодательстве») и принцип генеральной недействительности (согласно п. 1 ст. 30 Основ, «недействительна сделка, не соответствующая требованиям законодательства»).

Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в Основах по-прежнему отсутствовало, так же как отсутствовало указание на круг субъектов, имеющих право на иск при признании сделки недействительной, и специальные основания для признания сделки недействительной, за исключением недействительности сделки вследствие несоблюдения требуемой законодательством формы. В целом Основы сделали шаг назад в развитии института недействительности сделок, допустив возможность широкого толкования недействительности, как несоответствия любому положению закона, что в свою очередь создало предпосылки для

злоупотребления сторонами сделки гражданскими правами.

В большей или меньшей степени проблему недействительных сделок удалось разрешить только с принятием 21 октября 1994 г. Ч. I Гражданского кодекса РФ. В содержание нового Кодекса в гл. 9 «Сделки» был включен параграф 2 «Недействительность сделок». Такое обособление норм, касающихся недействительности сделок от прочих положений о сделке, стало свидетельством возрастающей роли и увеличения практической потребности в данном институте.

Гражданский кодекс РФ добавил несколько новых оснований недействительности сделки, но самым главным его достижением явилась более детальная проработка механизма признания сделок недействительными, а также уточнение порядка применения последствий недействительности сделки.

Идея законодателя, изложенная в начальной редакции ГК РФ, как мы полагаем, заключалась в разделении сделок по принадлежности нарушаемых сделкой интересов. То есть при ничтожности – нарушение общесоциальных интересов, а при оспоримости – нарушение интересов конкретных субъектов гражданско-правовых отношений. Получается, что основанием для деления недействительных сделок выступила принадлежность нарушаемых сделкой интересов, а не спорность в их недействительности. Хотя критерий спорности недействительной сделки имеет право на существование, ввиду наличия п. 1 ст. 166 ГК РФ, который прямо нам дает понять, что оспоримая сделка – есть сделка, в отношении которой наличествует спор по поводу ее недействительности, а ничтожная сделка – сделка без спора в ее недействительности.

Однако после изменений, внесенных в Гражданский кодекс РФ Федеральным Законом № 100-ФЗ от «7» мая 2013 г., идея деления недействительных сделок по принадлежности нарушаемых сделкой интересов утратила правовое значение. Круг субъектов, имеющих право на обращение с иском в суд о признании сделки недействительной или применении последствий недействительной сделки, был существенно ограничен по сравнению с предыдущими редакциями ГК РФ. Теперь требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлено только стороной сделки и иным лицом в предусмотренных законом случаях, а не любым заинтересованным лицом», как было указано в первоначальной редакции Гражданского кодекса РФ.

Вполне возможно, что в результате законодательных изменений законодатель придет к разделению недействительных сделок в зависимости от спорности их недействительности. С другой стороны, для отрицания спорности в ничтожных сделках необходимо наличие безоговорочных оснований для

придания сделке статуса ничтожности. Например, сделка между юридическими лицами с отсутствием указания в договоре и иных приложениях к нему стоимости передаваемого имущества является ничтожной. Однако при установлении юридических фактов ее ничтожности возникнет спор, например, по порядку согласования цены или одобрения сделки путем перечисления денежных средств на расчетный счет контрагента. Здесь встают два очень важных вопроса: Имеется ли необходимость в делении недействительных сделок на оспоримые и ничтожные, если при установлении юридических фактов обеих присутствует спор? Стоит ли отказываться от указанного деления в пользу признания всех недействительных сделок оспоримыми?

В любом случае в настоящий момент, как мы считаем, практическая значимость деления недействительных сделок отсутствует.

У законодателя есть несколько, на наш взгляд, направлений для дальнейшего развития института недействительности сделок:

– прийти к необходимости выделения только оспоримых сделок. Ведь, как было написано ранее, даже при установлении юридических фактов ничтожной сделки имеется спор;

– изменить подход к пониманию оспоримых и ничтожных сделок по критерию спорности недействительных сделок;

– отказаться от любой классификации недействительных сделок и сделать акцент на выработку новых и совершенствование старых специальных положений о недействительности сделок.

Литература:

1. Новицкий И.Б. Недействительные сделки // Вопросы советского гражданского процесса. – 1945. – Сб. 1. – С. 31-73.
2. Свод законов Российской Империи. Том 10. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/133.html#img134> (Дата обращения: 25.09.2016 г.).

4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – URL: http://www.webarhimed.ru/assets/files/uchebniki/Russkoe_gragdanskoe_pravo_SHERSHENEVICH_ucheb.pdf#page=94&zoom=90,-265,175 (Дата обращения: 25.09.2016 г.).
5. Проект гражданского уложения Российской Империи. – URL: <http://lib1.usla.ru/texts2/280.pdf> (Дата обращения: 25.09.2016 г.).
6. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. – Ленинград: Изд-во Ленинг. ун-та, 1960. – 171 с.
7. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1946. – № 3-4. – С. 41-55.
8. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. – 310 с.

The Development of the Institute of Invalidity of Transactions in the Domestic Legislation in the Period from the 19th to the 21st centuries

A.D. Beliaev
University of Management "TISBI"

This article presents the results of the historical analysis of the institution of invalidity of transactions in the period from the 19th to the 21st centuries. The author identified the characteristics of each of the analyzed legal acts. As a result, the problems of the classification of invalid transactions and their possible solutions at the present stage of development of the institute of invalidity of transactions were identified.

Key words: The Civil Code, invalidity, nullity, voidability, transactions, Russian Empire.

